

КАК ФОРМИРОВАЛАСЬ ДРЕВНЕРУССКАЯ ОРФОГРАФИЯ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ РЕКОНСТРУКЦИЯ КНИГОПИСАНИЯ КОНЦА XI ВЕКА

В древнейших рукописных книгах Руси XI в. мы находим многочисленные реликты их старославянских протографов — этимологически правильное употребление букв носовых, мены букв редуцированных, ограниченное число йотированных букв и другие. Примерами памятников, последовательно копировавших старославянские образцы, являются Остромирово Евангелие 1056—57 г. (списано с кириллического старославянского протографа) и Изборник 1073 г. (списан с глаголического старославянского протографа). А также памятники, как Чудовская Псалтирь, Житие Кондрата, Пандекты Антиоха, Синайский Патерик, хотя и имеют последовательные древнерусские коррекции отдельных звеньев старославянской орфографии: *ѡ, ѡѡ > ю, а > ѡ*, но их графико-орфографические системы по многим другим признакам обнаруживают прямое родство со своими старославянскими оригиналами¹.

К середине XI в. на Руси складывается необходимость создания графико-орфографической системы, максимально близкой древнерусской языковой системе. Это было обусловлено тремя культурно-филологическими задачами, стоявшими перед книжниками Древней Руси II половины XI в. Во-первых, настоятельной задачей эпохи являлось исправление древнерусских списков старославянских богослужебных книг, «упрощение» их правописания с тем, чтобы священники и причт как можно быстрее и легче могли осваивать их в чтении. Во-вторых, в связи с прекращением деятельности болгарских книгописных центров к I трети XI в. возникла нужда в древнерусских переводах с греческого, а иногда и с латинского языков — служб, уставов, житий, хронографов². Наконец, в середине XI в., в эпоху появления древнерусской оригинальной литературы, записывается «Слово о законе и благодати» митрополита Иллариона, развивается древнерусское летописание в Новгороде и Киеве, создаются древнерусские службы и жития первых русских святых Бориса и Глеба³. Эти памятники также записывались без опоры на старославянский протограф.

О формировании собственно древнерусской графико-орфографической системы свидетельствуют рукописные книги конца XI в., которые не обладают явными графико-орфографическими признаками, возводящими их к определенному типу старославянских протографов. В числе таких рукописей — Архангельское Евангелие 1092 г., Служебные Минеи 1095—1097 г., Синайско-Бычковская Псалтирь, Софийская Служебная Минея конца XI — нач. XII в., они близки между собой по целому ряду признаков, наиболее ярко выраженных в Архангельском Евангелии 1092 г. В Архангельском Евангелии все параметры книги — технологические, художественные, текстологические, графико-орфографические — характеризуют этот памятник как образец «обиходного» книгописания Древней Руси, т. е. как продукцию книгописной мастерской по массовому изготовлению богослужебных книг. Для таких мастерских были характерны: 1) упрощенные технологии изготовления кодексов, а также экономичный расход пергамента; 2) скромность художественного оформления рукописи; 3) сформированный тип древнерусского уставного письма — быстрого, легко читаемого, без опоры на палеографические модели образцов. При этом графико-орфографические системы таких книг не зависят от старославянского протографа.

¹ Миронова Т. Л. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в. М., 2001.

² Соболевский А. И. Особенности русских переводов домонгольского периода. СПб., 1897.

³ Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора // ИОРЯС. 1914. Т. XIX. Кн. 1, 3.

Итак, Архангельское Евангелие — пример книги массового производства. Упрощенность и экономичность в изготовлении Архангельского Евангелия обнаруживается в том, что формат листов кодекса не одинаков, хотя листы за весь период бытования книги ни разу не были обрезаны, их размер колеблется от 20 x 16 до 20,5 x 16,8 см. Пергамен грубый, многие листы имеют природные дефекты, изготовлены из краев телячьей кожи.

Художественный облик Архангельского Евангелия — киноварная п-образная заставка, заголовки, выполненные киноварным контуром, и инициалы самых разнообразных вариаций орнамента повторяются во многих рукописях исследуемой группы. В переписанных несколько лет спустя, в 1095—1097 г., новгородских Служебных Минеях отмечена та же особенность, что и в Архангельском: свобода художественных решений при использовании скромного арсенала изобразительных средств. Служебные Минеи 1095—1097 г. близки Архангельскому Евангелию и в формате: ср. Служебная Минея 1095 г. — 19,2—21,4 x 16,5—17,5 см; Служебная Минея 1096 г. — 18,5—20,5 x 16,7—17,1 см; Служебная Минея 1097 г. — 21—21,7 x 16,7—18,8 см. Сходство с Архангельским Евангелием и Служебными Минеями 1095—97 г. имеют также украшения Синайско-Бычковой Псалтири. Ее формат — 18,3 x 14,5 см. Этот памятник содержит киноварные заставки из простых переплетенных стеблей, заголовки, выполненные киноварным контуром, и инициалы типа Архангельского Евангелия с отдельными «вкраплениями» тератологического орнамента. Софийская Минея № 188 еще более аскетична в украшениях, имеет простые чернильные заголовки, геометрической формы инициалы (с редкими тератологическими орнаментами), инициалы выполнены чернилами и киноварью. Формат этой рукописи несколько больше, чем формат Архангельского Евангелия — 24,5 x 21,5 см.

Палеографическое своеобразие группы рукописей типа Архангельского Евангелия составляют: а) особая стилистика почерков — мелких, круглых, легко читаемых, где буквам «просторно» в строке; б) высокая вариативность начерков в одном и том же почерке, указывающая на то, что писец не столько ориентировался на протограф в копировании букв, сколько пользовался собственными навыками, в) этой группе рукописей почти не свойственно лигатурное письмо.

Все перечисленные здесь признаки позволяют поместить эту группу рукописей в хронологический ряд вслед за рукописями типа Остромирова Евангелия и Изборника Святослава 1073 г., для орфографии которых реконструированы старославянские протографы⁴, и датировать их последней четвертью XI в. Основанием для хронологической локализации являются и точные даты Архангельского Евангелия — 1092 г. и новгородских Минеи — 1095, 1096, 1097 г., и палеографическое «тяготение» к этим датированным спискам остальных — недатированных кодексов.

У Архангельского Евангелия обнаруживается важная текстологическая особенность: его текст состоит из частей, которые основаны на различных по происхождению протографах. «Состыковки» разных протографов обычно возникали при создании сборников, примером чему служит Изборник 1076 г., в котором соединены протографы, содержащие отдельные сочинения и созданные в различных графико-орфографических системах. То есть принадлежность частей книги разным протографам в сборниках была обусловлена задачей создания (составления) нового текста. Но соединение текстологически разнородных оригиналов в Архангельском Евангелии обусловлено совсем иными причинами. Книгописные мастерские массового производства обиходных книг были предназначены для быстрого изготовления текстов параллельно большим числом писцов, при этом мастера должны были пользоваться текстом-образцом одновременно, так возникала необходимость употребления для одной книги разных в текстологическом отношении оригиналов. То есть принадлежность частей книги к разным протографам здесь была обусловлена задачей изготовления как можно большего числа новых книг.

⁴ Миронова Т. А. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в.

Факт использования при создании Архангельского Евангелия двух протографов установлен М. А. Соколовой⁵. Позднее Л. П. Жуковская доказала, что протографы у первого и второго писцов Архангельского Евангелия принадлежат к текстологически разным типам евангельских кодексов — краткому (1-й писец) и полному (2-й писец) апракосам⁶. Однако основанное на этом объяснение ярких графико-орфографических различий у двух писцов рукописи влиянием их старославянских оригиналов, предложенное этими авторами, представляется нам совершенно неприемлемым.

Наши исследования показали, что две графико-орфографические системы Архангельского Евангелия не только не копируют разные старославянские оригиналы, но каждый из писцов этой книги работает в индивидуальной, то есть свойственной только ему графико-орфографической системе.

Представим графико-орфографические системы текстов, написанных 1-м и 2-м писцами Архангельского Евангелия, в сравнении. Состав графико-орфографических признаков, имеющих датирующее значение при выявлении у древнерусской книги старославянского протографа, выработан и обоснован нами в работе «Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в.».

1) Оба писца рукописи последовательно употребляют две буквы редуцированных в соответствии со звуко-буквенным соотношением $\text{ѣ}=\{\text{ь}\}$, $\text{ѣ}=\{\text{ь}\}$: *прншьдзшннннѣ* (Л. 12 об.), *вѣнндрѣтъ* (Л. 6), *дзлжнѣтъ* (Л. 39 об.—40), *дѣьри* (Л. 71), *рѣкѣшю* (Л. 78 об.), *вѣскръснѣтъ* (Л. 83), *потѣкнѣтъса* (Л. 84 об.), *оуѣзпѣ* (Л. 84 об.), *вѣуѣнѣзи* (Л. 88 об.), *крѣзи* (Л. 107), *сѣьраша* (Л. 107). Но если 1-й писец в 60 % случаев опускает букву редуцированного в слабой позиции в корне слова, то 2-й писец пропускает редуцированные в 95 % случаев в данной позиции, т. е. он придерживается особого орфографического правила: *буквы слабых редуцированных в этом тексте употребляются везде, кроме корневыхъ морфем*. При употреблении сочетаний редуцированного с плавным оба писца используют только древнерусскую модель *тѣрт - оумѣршю* (Л. 146 об.), *нспѣлнѣтъса* (Л. 132 об.), *отѣььржѣшиса* (Л. 95).

2) Тексты 1-го и 2-го писцов принципиально различаются в употреблении букв носовых гласных несмотря на обоюдную независимость этих написаний от старославянского оригинала. У 1-го писца функционируют две буквы носовых *ѣ* и *ѣь*, причем *ѣь* изредка употребляется как в этимологических, так и гиперкорректных написаниях (всего 45 случаев), но в подавляющем большинстве примеров эта буква замещена графемами *ѣу/ю*. Буква носового *ѣ* также участвует и в этимологических, и в гиперкорректных написаниях после букв согласных звуков. Во всех примерах с этимологическим [jɛ] произведена замена буквы *ѣ* графемой *ѣь*. Текст 2-го писца представляет иную графико-орфографическую систему. Здесь используется лишь одна буква носового *ѣ*. В этой системе *ѣ* используется в начале слова, после букв гласных и букв согласных *н*, *л*, иногда *м*; *ѣ* употребляется после букв всех других согласных; *ѣ* функционирует после букв шипящих согласных и *ц*. Несмотря на внешнюю громоздкость формулировки, эта орфографическая закономерность очень логична и элементарна в воплощении: в ней осуществлен своего рода переворот в древнерусской орфографии — *переход от стихийной коррекции написаний букв носовых к дистрибутивному употреблению графемы ѣ при устранении из системы других букв носовых*.

3) В тексте обоих писцов Архангельского Евангелия не имеется ни одного случая использования графемы *ѣь* в значении [ja], что также показывает отчуждение этих текстов от их старославянских протографов.

4) Употребление букв *ѣ* и *ѣь* имеет существенные различия у 1-го и 2-го писцов. 1-й писец после букв согласных стремится ставить *ѣ*, но в начале слова и после букв гласных звуков он употребляет *ѣ* и *ѣь* довольно беспорядочно: *боудѣтъ* (Л. 12 об.), *вѣуѣра* (Л. 62), *вѣьноуѣтъса* (Л. 37), *вѣьроуѣмѣ* (Л. 3), *вѣьроуѣннѣ* (Л. 20), *своѣмоу* (Л. 72 об.), *своѣмоу* (Л. 40), *ѣгда*

⁵ Соколова М. А. К истории русского языка в XII веке // Известия по русскому языку и словесности. Л., 1930. Т. III. Кн. 1.

⁶ Жуковская Л. П. Новые данные об оригиналах русской рукописи 1092 г. // Источниковедение и история русского языка. М., 1964. С. 85.

(Л. 32), ИГДА (Л. 18), €ДИНЪ (Л. 28 об.), ИДИНЪ (Л. 39 об.). Следует отметить при этом численное преобладание написаний И=[je], так, корень ИДИН у 1-го писца используется 68 раз в написании с И и 1 раз в написании с €. Наречие ИГДА 1-й писец пишет 40 раз с И и лишь 3 раза с €. 2-й писец реализует другую орфографическую тенденцию: И=[e] после букв согласных Л, Н — «СЛАБАНЪ» (Л. 79), ПОННЖ€ (Л. 85), ПОМЪШЛИННА (Л. 157), БЪСЛИНОУЮ (Л. 143); И=[je] в начале слова и после букв гласных — ПОСЛОУШАНТЬ (Л. 104), ПРИЛИБАННА (Л. 94 об.), ИНОГО (Л. 69). €=[e] после букв всех других согласных — П€УАЛЬ (Л. 9), АНДРЕОБА (Л. 77 об.), Б€ЛИИ (Л. 154 об.).

5) Важной особенностью графико-орфографических систем текстов двух писцов Архангельского Евангелия является отсутствие фонетически значимых надстрочных знаков (за исключением «гачека»). У 1-го писца надстрочных знаков нет совсем. У 2-го писца два вида надстрочных знаков: двоеточие над Ѡ и разреженное двоеточие над сочетаниями нескольких разных букв: над (ЛА в слове ПОСЛАВЪИИ (Л. 88 об.), над НЪ в слове ШНЪ (Л. 77 об.). Можно предположить, что это реликты прежнего обозначения пропущенных букв редуцированных, но их «случайная» расстановка свидетельствует о полной утрате писцом рукописи понимания значения такой диакритики. Что же касается «гачека», то этот знак в тексте 1-го писца не используется, у 2-го писца «гачек» — это средство обозначения мягкости исконно мягких согласных Л, Н.

6) Графико-орфографические системы 1-го и 2-го писцов Архангельского Евангелия различаются также несколькими особыми орфографическими признаками.

а) В словах с неполногласием в тексте 2-го писца вместо буквы ъ регулярно пишется буква €:

Лексика	1-й писец	2-й писец
БРЪМА	14	-
БР€МА	-	30
ДРЪБО	3	-
ДР€БО	1	4
БРЪДИТЬ	1	-
БР€ДИТЬ	-	1
ПРЪЖДЕ	9	-
ПР€ЖЕ	-	6
ПРЪ	54	-
ПР€	1	65
Итого - tr ъ	81	-
Итого - tre	2	106

б) В тексте 2-го писца, в отличие от части, написанной 1-м писцом, не употребляется ъ, в большей части заимствованных слов здесь обнаруживаем €:

Лексика	1-й писец	2-й писец
АРХНЕРЪИ	4	-
АРХНЕР€И	1	47
КЪСАРЬ	2	-
К€САРЬ	-	5
ФАРНСЪИ	26	-
ФАРНС€И	-	11
МАТ+ЪА	2	-
МАТ+€А	-	10
НЮДЪИ	16	-
НЮД€И	-	9
Итого - ъ	41	-
Итого - €	1	82

в) Написания корневой морфемы в формах глагола ѡСТИ/ѡСТИ/ѡСТИ в тексте 2-го писца подверглись орфографической унификации. В то время как в рукописи 1-го писца допускаются разнообразные варианты этой морфемы, в тексте 2-го писца принято только написание ѡСТИ.

Лексика	1-й писец	2-й писец
ѡСТИ	10	-
ѡСТИ	20	-
ѡСТИ	1	15

г) Различается у 1-го и 2-го писцов орфография местоимений ТѢБѢ, ѡБѢ (в дат. и местн. падежах): старославянские формы этих местоимений ТѢБѢ, ѡБѢ, а также варианты их написаний с ѣ вместо Ѣ приняты в тексте 1-го писца, древнерусские формы ТѠБѢ, ѡБѢ преобладают в тексте 2-го писца.

Местоим. дат.- местн.	1-й писец	2-й писец
ТѢБѢ	13	-
ТѢБѣ	15	4
ТѠБѢ	1	15
ѡБѢ	15	-
ѡБѣ	9	2
ѡБѢ	3	11

д) В текстах 1-го и 2-го писцов различается орфография имени ІСЪ.

Орфография	1-й писец	2-й писец
ІСЪ	145	12
Іс	-	124

Различия в написаниях имени ІСЪ в старославянских евангельских кодексах и в древнерусских Евангелиях обычно были текстологически обусловлены. По-видимому, Кирилл и Мефодий воспроизводили в славянских текстах греческие формы этого имени без конечного редуцированного: Им. п. ΙΗΣΟΥС⁷. В дальнейшем это написание было переосмыслено в соответствии с закономерностями славянского словоизменения, что привело к развитию формы ΙΗΣΟΥСЪ, причем -ουc- воспринималось славянами как часть основы, к которой и добавлялись окончания -Ъ -А -ЪМЬ. Это явление, возможно, имело дописьменные истоки, и св. Кирилл, поместив в свои первоначальные переводы написание Іс, затем в Моравии, познакомившись с явлением славянского «переразложения» основы священного имени, внес исправления в дальнейшие переводы. Вот почему уже в ранних старославянских памятниках в употреблении имени Іс/ІСЪ существует разноголосица. Так, в Зографском Евангелии, Саввиной книге, Реймссском Евангелии употребляется исключительно Іс, в Мариинском две формы — ІСЪ, Іс, в Ассеманиевом — преимущественно ІСЪ с редким использованием формы Іс. Но Архангельское Евангелие представляет особый случай: здесь употребление форм Іс и ІСЪ связано с индивидуальными особенностями орфографии писцов.

Мы выявили в Архангельском Евангелии две различные графико-орфографические системы, воплощенные соответственно в текстах 1-го и 2-го писцов этого кодекса, но не связанные с орфографией старославянской. У обоих писцов осуществлены следующие графико-орфографические изменения: проведена последовательная коррекция написаний букв редуцированных в соответствии с древнерусской фонетикой, унифицированы написания редуцированных с плавным, полностью устранены старославянские реликты употребления Ѣ в значении [ja]. Различия графико-орфографических систем у 1-го и 2-го писцов касаются прежде всего употребления букв носовых и йотированных, но эти различия также не основаны на старославянских образцах.

⁷ Moszyn'sky L. O staro-cerkiewno-slowianskiej postaci imienia Iisus // Studia linguistica in honorem Th. Lehr-Splawinski. Warszawa, 1963.

Текст 2-го писца отразил и другие системные изменения в орфографии, причем все они в той или иной мере обусловлены все возрастающим влиянием на правописание живого древнерусского произношения. К числу системных преобразований такого рода относятся: 1) пропуск букв редуцированных звуков в слабой позиции в корневых морфемах, устранение Ж из графико-орфографической системы, 3) систематизация употребления букв И / Ё, А / Я, 4) введение контаминированных написаний неполногласных сочетаний типа Прѣ, 5) унификация написаний слов с вариативной орфографией и др.

Указанные графико-орфографические приемы спорадически возникали и в других, более ранних рукописных книгах, так, к примеру, контаминированная орфография типа Прѣ известна в Синайском Патерике и Изборнике 1076 г., но подобные графико-орфографические явления, соотнесенные с живым языком книжников, в предшествующих рукописях оказывались фрагментом широкого «спектра» орфографических вариантов. В тексте 2-го писца Архангельского Евангелия 1092 г. предпочтения орфографических написаний, связанных с древнерусским произношением книжников, выражены определенно, и их статистика позволяет высказать гипотезу о формировании в конце XI в. *графико-орфографических систем древнерусской книжности, не обусловленных традициями старославянских оригиналов.*

Каковы возможные истоки графико-орфографических систем такого типа? Болгарская исследовательница Т. Славова, проведя подробное лексикологическое исследование второй части Архангельского, обнаружила в нем лишь 35 % лексики, восходящей к Преславской, т. е. болгарской, редакции Евангелия краткий апракос, и пришла к заключению, что «второй писец Архангельского Евангелия по имени Мичка располагал протографом, составленным „из разных источников“»⁸. Особо примечательны такие обнаруженные Славовой лексические особенности, как употребление слов *УТЪШАЮТЬ, ИЗНЪЗѢ, ИСТЪНЬ*, неизвестных старославянским памятникам и болгарскому языку в целом, зато распространенных в древнерусских полных апракосах, при этом глагол *ИЗНЪЗѢ* отмечен также в русском списке чешского жития Вячеслава⁹. Идея о наличии неболгарских источников Архангельского Евангелия 2-го почерка подтверждается последними исследованиями месящеслова данного памятника, составляющего большую часть текста 2-го писца. Сравнивая совокупность памятней месящеслова Архангельского Евангелия с месящесловами других Евангелий X–XI в. (Саввиной книги, Ассеманиева, Остромирова, Мстиславова Евангелий), О. В. Лосева обнаружила, что Архангельский месящеслов не имеет сходства ни с одним из них. На известии 850 г. восточная и константинопольская традиции в месящеслове Архангельского Евангелия прерываются, и далее следует целый ряд памятней, связанных с деятельностью св. Кирилла и Мефодия: обретение Кириллом в 861 г. мощей Климента, папы Римского; преставление в 869 г. прп. Кирилла Философа; преставление в 885 г. Мефодия, архиеп. Моравского. Самая же поздняя по времени память месящеслова Архангельского Евангелия — память чешского князя Вячеслава, убитого в 935 г. Согласно О. В. Лосевой, вся группа этих памятней Архангельского Евангелия была чешского происхождения, чем обусловлено появление в его месящеслове памятней, празднуемых здесь по католическому календарю: 24 сентября — ап. Матфей, 27 сентября — Козма и Дамиан, 29 сентября — архистратиг Михаил, 25 января — обращение ап. Павла, которые отражают «положение в Чехии, где очаги славянского богослужения (самый известный из которых — Сазавский монастырь) были окружены латинским миром»¹⁰. Косвенным подтверждением мораво-чешских источников у Архангельского Евангелия является особый текстологический тип «Молитвы Господней»,

⁸ Славова Т. Преславски следи в лексиката на Архангелското евангелие // Език и литература. София, 1984. № 1; Славова Т. Преславска редакция на старобългарския евангелски текст. София, 1985.

⁹ Славова Т. Преславски следи в лексиката на Архангелското евангелие. С. 28–29

¹⁰ Лосева О. В. Месящеслов Архангелското Евангелия 1092 г. // Архангелскому Евангелию 1092 г. — 900 лет. М., 1995. С. 52.

который не встречается ни в одном из старославянских Евангелий. Исследователь этого текста Львов допускал независимость молитвы из Архангельского от старославянских оригиналов болгарского происхождения¹¹. Итак, в основе месяцеслова Архангельского Евангелия может лежать протограф, попавший на Русь из Чехии, а не из Болгарии или непосредственно из Византии.

Сама возможность книжных вливаний из Чехии подтверждается историческими данными. В конце X в. Чехия непосредственно граничила с Киевской Русью: чешским князьям принадлежал Краков и прилегающие к нему земли¹². Согласно «Повести временных лет» Владимир Святославич жил в мире с чешским князем Ольдржихом, а, по сообщению В. Н. Татищева, дочь Владимира Святого была женой чешского князя Болеслава III¹³. Исторические связи Руси и Чехии прослеживаются и в XI в. Так, в 1034 г. Ярослав Мудрый называет своего сына Вячеславом, что свидетельствует о сложившемся почитании чешского князя-мученика на Руси. Русских же князей-мучеников Бориса и Глеба почитали в Чехии. Согласно записи в хронике Сазавского монастыря, в 1095 г. в Сазавском храме был основан придел в честь св. братьев Бориса и Глеба, куда были вложены частицы их мощей¹⁴.

Напомним, что чехи в числе первых из славянских народов получили из Великой Моравии славянскую литургию¹⁵. Время правления боголюбивого князя Вячеслава (до 935 г.) характеризовалось поддержкой славянского богослужения и книжной деятельности. По-видимому, в этот период истории чешского государства учениками Мефодия, нашедшими здесь приют, осуществляются дальнейшие переводы книг с греческого и латинского языков на славянский. После правления Болеслава I, убийцы кн. Вячеслава, книгописание возобновилось¹⁶. В этот период времени с 967 г. до середины XI в. должен был окончательно сложиться и оформиться культ св. Вячеслава и его бабки Людмилы, принявшей мученическую кончину в 921 г., тогда же могли быть созданы Жития Вячеслава и Людмилы и служба Вячеславу, которая обнаружена в цикле древнерусских Новгородских Миней.

Основным очагом развития книжности в это время в Чехии был Сазавский монастырь, где устойчиво сохранялось славянское богослужение. Основатель этого монастыря св. Прокоп умер в 1055 г., и тогда латинские священники убедили чешского князя Спитигнева, что сазавские монахи через славянское письмо впали в ересь. Монахи, сторонники богослужения на славянском языке, были изгнаны из Чехии, окончательное выдворение последних приверженцев славянского языка среди чешского монашества состоялось в 1091–1097 г. — после смерти князя Вратислава¹⁷.

Действительно, 1055 и 1095–1097 г. — возможные сроки появления на Руси монахов-беженцев из соседней Чехии, принесших с собой славянские книги, которые сохраняли ряд западных особенностей вероучения и вероисповедания. О том, что Сазавский монастырь имел обширную библиотеку таких книг, свидетельствует факт, что в 1097 года, когда славянский язык в Сазаве был запрещен, последний из учеников св. Прокопа настоятель монастыря Божетех и его единомышленники изгнаны, вновь назначенный настоятель Сазавы Детхарт не нашел в монастыре ни одной неславянской книги¹⁸.

¹¹ Львов А. С. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М., 1966. Родич Н. Съпоставка на «Отче наш» в най-старите сръбски Евангелия и в каноническите текстове // Втори международен конгрес по българистика. Доклади. Кирило-Методиевистика симпозиум. София, 1989.

¹² Королюк В. Д. Западные славяне и Киевская Русь. М., 1964.

¹³ Татищев В. Н. История Российская. М.; Л., 1962. Т. I. С. 373.

¹⁴ Rogov A. I. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. М., 1970. С. 14.

¹⁵ Хейл Ф. Великая Моравия и Болгарское государство // Втори международен конгрес по българистика. Доклади кирило-методиевистика симпозиум. София, 1989. С. 222.

¹⁶ Несдлы З. Р. Возникновение Чешского государства // Славянский сборник. М., 1947. С. 116.

¹⁷ Несдлы З. Р. Возникновение Чешского государства. С. 120.

¹⁸ Rogov A. I. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 14.

Реконструкция чешского книжного влияния позволяет, во-первых, объяснить истоки разнообразных «западных» черт в русском христианстве в конце XI—XII в. Так, в 30—50-х г. XII в. выдающийся русский ученый Кирик Новгородец воспроизводит календарные расчеты, повторяющие глаголические «семитысячники» моравского происхождения¹⁹. И в канонической сфере Кирик Новгородец выказывает знакомство с западным покаянным правом, предлагая в 76-м вопрошании в тексте вопросов и ответов Новгородского доместика Антониева монастыря, сохранившемся в Новгородской кормчей XIII в., заменить церковные епитимии заказными литургиями²⁰. Западно-славянским по происхождению признан и «Закон судный людям», также включенный в состав Новгородской Кормчей. Во-вторых, чешское «книжное вливание» во II пол. XI в. объясняет причины появления на Руси таких памятников, как «Беседы папы Григория Двоеслова на Евангелие», сохранившиеся в списке XIII в., которые, как установил А. И. Соболевский, являются переводом с латинского языка и даже в рукописи XIII в. содержат очень древние преимущественно глаголического происхождения реликты орфографии, следы употребления ѣ в значении [ja], архаический аорист²¹. К числу текстов, которые были созданы «в стране, где столкнулись греческое и латинское влияния, где встретились церковнославянский и западнославянский языки», А. И. Соболевский причисляет Никодимово Евангелие (русский список XIV в.), являющееся апокрифическим, Житие Мефодия, известное из Успенского Сборника XII—XIII в., Толковый Апокалипсис Андрея Кесарийского (русский список XIV в.).

¹⁹ Турилов А. А. О практике и месте создания календарно-математических текстов «Семитысячников» // Естественно-научные представления Древней Руси. М., 1988.

²⁰ Суворов Н. С. Следы западно-католического церковного права в памятниках древнерусского права. Ярославль, 1888. С. 161—163.

²¹ Соболевский А. И. Церковнославянские тексты моравского происхождения // РФВ. Варшава, 1900. № 1—2. С. 159.

О следах влияния древнечешской литературы на древнерусскую письменность заговорили давно, еще когда А. Х. Востоков открыл русское житие св. Вячеславу, а в 1909 г. Н. К. Никольский обнаружил в русских списках другой, более пространный вариант жития чешского князя¹, И. И. Срезневский же сообщил о древнем каноне в честь князя Вячеслава, найденном в древнерусской служебной Минее 1095 г.² Этот канон, как доказал А. И. Рогов, «не мог быть составлен на Руси, а был написан значительно ранее и за ее пределами», т. е. в Чехии, так как «в Болгарии и Сербии, не говоря о Византии, Вячеслав никогда не почитался»³. Следы бытования житий Вячеслава разных редакций, дошедших до нас в поздних списках XV—XVI в., исследователи находят в анонимном «Сказании о Борисе и Глебе» и в Несторовом «Чтении» о св. князьях-мучениках⁴. Н. Н. Розов считал возможным, что митрополит Иларион Киевский «знал и творчески использовал в своих произведениях легенду о князе Вячеславе»⁵. На ряд параллелей в житиях Вячеслава и преп. Феодосия Печерского обратили внимание Д. Чижевский⁶ и О. Кралик⁷. Как факт литературного влияния чешских текстов на древнерусские А. И. Рогов приводит реминисценции чешского жития Вячеслава в «Повести об ослеплении Василька Теремовского», которая, кстати, написана после 1097 г., но до 1116 г.⁸ Но доказывая наличие литературной преемственности, исследователи всякий раз задавались закономерным вопросом о пути проникновения на Русь древнечешских литературных памятников — прямом или «окольном». Сторонники версии о южнославянском посредничестве в прибытии чешских текстов на Русь, например, Н. Серебрянский⁹, ссылаются на то, что древнерусские списки этих памятников, как поздние — XV—XVI в., так и ранние — XI в., не сохранили никаких языковых черт, свидетельствующих об их западнославянском

* Начало статьи см.: Древняя Русь. Вопросы медиевистики. М., 2003. № 1 (11). С. 48—55.

¹ Никольский Н. К. Легенда мунтуанского епископа Гумпольда о св. Вячеславе чешском в славяно-русском переложении. СПб., 1909.

² Срезневский И. И. Известие о древнем каноне в честь св. Вячеслава Чешского // ИОРЯС. СПб., 1856. Т. V. Вып. 3.

³ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 20.

⁴ Ильин Н. Н. Летописная статья 6523 года и ее источник. М., 1957.

⁵ Розов Н. Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. XXIII. С. 85.

⁶ Číževský D. Anklänge an die Gumpolds — Legende des hl. Vaclav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der Originalität der Slavischen mittel alterlichen Werken // Wiener slavistisches Jahrbuch. Wien, 1950. Bd. I.

⁷ Кралик О. «Повесть временных лет» и легенды Кристиана // ТОДРЛ. М.; Л., 1963. Т. XIX.

⁸ Рогов А. И. Сказания о начале Чешского государства в древнерусской письменности. С. 30.

⁹ Серебрянский Н. Древне-русские княжеские жития. М., 1915.

происхождении. И этому факту исследователями, признающими наличие прямых чешско-русских литературных контактов, начиная с Н. К. Никольского¹⁰, до сих пор не найдено сколько-нибудь аргументированных возражений. Между тем аргументацию, объясняющую отсутствие западнославянских графико-орфографических и языковых черт в уже древнейших древнерусских списках чешских памятников, следует искать в особенностях формирования графико-орфографических систем в древнерусской книжности последней четверти XI в.

Рассмотрим графико-орфографические особенности Служебных Миней за сентябрь 1095 г. и за октябрь 1096 г. Рукописи двух Миней, созданные писцом Домкой в течение двух лет¹¹, написаны в отношении орфографии различно.

1) Буквы редуцированных в слабой позиции сохраняются в обеих Минеях во всех написаниях, за исключением ряда корневых морфем. Сент. Минея: *зѣлаго* (Л. 11), *зѣлоуѣстнѣзиа* (Л. 15), *зѣлзиа* (Л. 17 об.), *зѣлоу* (Л. 18 об.), *зѣлоуѣриа* (Л. 23), *зѣлоуѣраднѣ* (Л. 4 об.); Окт. Минея: *зѣлзиа* (Л. 21 об.), *посѣлали* (Л. 34), *кѣто* (Л. 12), *кназиа* (Л. 15 об.), *вѣ* (Л. 16 об.), *вѣшь* (Л. 81 об.), *зѣлоу* (Л. 92 об.).

Сочетание редуцированного с плавным в Сент. Минее не имеет старославянских написаний. В Окт. Минее старославянских написаний всего 13. В Сент. и Окт. Минеях численно преобладает орфография редуцированного с плавным, отражающая в графике явление «второго полногласия». Сент. Минея: *стѣлѣпѣ* (Л. 9), *пѣрѣзиа* (Л. 10 об.), *дѣрѣзѣстю* (Л. 11), *кѣрѣлнѣти* (Л. 12 об.), *тѣрѣпиа* (Л. 12 об.), Окт. Минея: *шѣрѣтѣци* (Л. 2 об.), *тѣрѣжѣство* (Л. 3), *сѣвѣрѣшнѣлѣ* (Л. 3).

2) Употребление букв носовых гласных имеет в Сент. и Окт. Минеях общие черты. Так, в текстах обеих Миней используется лишь графема *ѧ*. Графемы *ѧ̄*, *ѧ̆* отсутствуют, *ѧ̇* встретилось всего несколько раз: Сент. Минея — *ѧ̇* (Л. 25), *зѣвѣздѧ̇* (Л. 93), Окт. Минея — *пѧ̇* (Л. 2 об.), *вѣинѧ̇* (Л. 89 об.), *ѧ̇шнѧ̇нѣлѣ* (Л. 36). Однако закономерности употребления буквы *ѧ* в данных памятниках различны. Особенностью графико-орфографической системы Сент. Миней является вытеснение практически всех написаний с *ѧ* буквой *ѧ̄*: *пѧ̄нѣтѣ* (Л. 78 об.), *шѧ̄рѣскѣзиа* (Л. 88), *ѧ̄зѣци* (Л. 91); *пѧ̄зѣбѣ* (Л. 10 об.), *вѧ̄дѣщѣ* (Л. 10), *сѧ̄* (Л. 14), *тѧ̄* (Л. 57 об.). В Окт. Минее обнаруживается распределение орфографических функций между *ѧ* и *ѧ̄* в результате переосмысления фонетических значений графемы *ѧ*. После букв гласных и в начале слова функционирует *ѧ̄*: *пѧ̄нѣтѣ* (Л. 100 об.), *ѧ̄жѣ* (мн. вин.) (Л. 74), после букв согласных употребляется *ѧ*: *пѧ̄дѣлѧ̄ющѧ̄* (Л. 24), *зѣшлѧ̄* (ед. им.) (Л. 76).

3) Рассматриваемые здесь памятники существенно различаются в использовании йотированных букв гласных и прежде всего *ѧ̄*. В Сент. Минее буквы *ѧ̄*, *ѧ̆* употребляются как дублеты в начале слова, после гласных и после согласных — *ѧ̄днѣлѣ* (Л. 55 об.), *рѧ̄зѧ̄рѧ̄ѣтѣ* (Л. 62 об.), *пѧ̄рѧ̄вѧ̄нѣлѣ* (Л. 103), *нѣстѣ* (Л. 122); *слѧ̄бѣнѣ* (Л. 64), *нѣлоу* (Л. 49 об.), *нѣнѣлѣ* (Л. 44 об.). В Окт. Минее графема *ѧ̄* употребляется в начале слова и после букв гласных звуков: *вѣспѧ̄тѣнѣнѣ* (Л. 68 об.), *нѣстѣ* (Л. 70), *сѣлѣнѣнѣ* (Л. 122 об.); графема *ѧ̆* использована после букв согласных звуков — *вѣлѣю* (Л. 75 об.), *нѣболѣзѣнѣнѣлѣ* (Л. 76 об.), *вѣрѣшѣнѣнѣлѣ* (Л. 90 об.).

Так, тексты двух Миней 1095 и 1096 г. за сентябрь и октябрь отражают разные графико-орфографические системы, каждая из которых не имеет опоры в старославянском протографе. Обе части Архангельского Евангелия 1092 г. также представляют две разные графико-орфографические системы без явных реликтов старославянских протографов, но все эти четыре варианта древнерусской графики и орфографии по ряду важнейших параметров не совпадают между собой.

¹⁰ Никольский Н. К. К вопросу о следах мораво-чешского влияния на литературных памятниках домонгольской эпохи // Вестник АН СССР. 1933. № 8–9.

¹¹ Яшч В. И. Служебные Миней за сентябрь, октябрь, ноябрь. В церковнославянском переводе по русским рукописям 1095–1097 г. СПб., 1886.

Анализ Архангельского Евангелия 1092 г. и Служебных Миней 1095—96 г. — текстов с чешскими интерполяциями — показывает отсутствие каких-либо графико-орфографических черт, которые можно было бы расценивать как результат влияния чешского (старославянского) оригинала. И Архангельское Евангелие 2-го писца, и Сент. Минея 1095 г., где имеются текстологические свидетельства чешских протографов, не донесли до нас ни одного сколько-нибудь достоверного графико-орфографического признака, в котором можно было бы предполагать западнославянское происхождение. В то же время текст 1-го писца Архангельского Евангелия (который, как установлено, восходит к болгарским оригиналам) и текст 2-го писца того же памятника (и прежде всего месяцеслова чешского происхождения) представляют графико-орфографические системы, не соотнесенные со старославянским оригиналом. Независимость от графики и орфографии старославянских источников демонстрируют и другие тексты.

В Софийской Минее № 188, которую обычно датируют началом XII в.¹², как и в Минеях новгородских, имеется служба св. Вячеславу Чешскому, состав служб в этом кодексе на сентябрь и октябрь полностью совпадает с месяцесловом Архангельского Евангелия, и графико-орфографическая система, в которой написан текст данного памятника, по выделенным нами параметрам также не имеет отчетливо выраженных признаков чешского происхождения и старославянского оригинала¹³.

Независимость своих графико-орфографических систем от старославянского оригинала демонстрирует Синайско-Бычковская Псалтирь — текст, переписанный двумя основными писцами (идентичность Бычковской и Синайской частей Псалтири, одна из которых хранится в РНБ, а другая в монастыре св. Екатерины на Синае, установлена Лантом¹⁴). Заметим, что И. И. Срезневский отмечал близость графики Бычковской Псалтири к почерку Служебной Окт. Миней 1096 г.¹⁵ Тексты Синайско-Бычковской Псалтири, написанные разными писцами, созданы в *индивидуальных графико-орфографических системах*, каждая из которых не повторяет старославянских прототипов.

У 1-го и 2-го писцов буквы редуцированных употреблены этимологически правильно и сохранены везде, кроме корневых написаний: *ѡНОГА* (Л. 2 об.), *ѡНОЮ* (Л. 6 об.), *КНАЗЪ* (Л. 8 об. (СПс)), *КНАЗИ* (Л. 8 (БПс)). Написания редуцированного с плавным в текстах 1-го и 2-го писцов численно преобладают в древнерусской форме *ьѡт*: *ТЪРДЪ* (Л. 2 (БПс)), *СЪМЪРТЪНЪІА* (Л. 6 (БПс)), *ТЪРПЪХЪ* (Л. 8 (БПс)), изредка сохраняются старославянские формы — *ИСПЪНИ* (Л. 3 (БПс)).

Одновременно у обоих писцов наблюдаются два характерных орфографических явления: а) написания *ь* вместо *ѡ* — *ИСКУШЪНИА* (Л. 85) (всего 7 примеров), а также частые написания *ѡ* вместо *ь* — *Бѣ ИЗЪЛѡ* (Л. 37 об.), *Кѡтѡ* (Л. 41 об.), *БѡПАТЬ* (Л. 30), *ѡтѡ РОБА* (Л. 18 об.), *ЗЪБЪХѡ* (Л. 90), *БЛѢѡ* (Л. 98), в 11 случаях эти описки исправлены самим писцом. У 2-го писца наблюдаем и пример написания *ь* вместо *ѡ* — *АКЪ* (Л. 79). Обратим внимание, что это орфографическое явление из примеров того же рода, что и написания *ѡ* вместо *ь* в Сент. и Ноябрь. Минеях, исправления же, вносимые писцами, свидетельствуют, на наш взгляд, не об ошибке писца, неправильно прочитавшего и записавшего слово, а об ошибке писца, неправильно услышавшего продиктованное слово, записавшего его и в связи с уточнением смысла исправившего. б) По той же причине, по нашему мнению, графико-орфографической особенностью Псалтири являются написания *ь* на месте *ѡ* — *БЖРЪНЪ* (Л. 127 об.), *ѡДРЪ* (Л. 122 об.), которые теми же писцами исправлены: *ь* заменено на *ѡ*.

Из букв носовых 1-й писец использует только графему *ѡ* для обозначения звуков [ja]/[a], какого бы происхождения они ни были, в том числе и из [*ѣ]/[*jѣ]: *ПРОШЕНІА* (мн. им.) (Л. 3

¹² Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. М., 1984.

¹³ Миронова Т. А. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в.

¹⁴ Lunt H. G. The Vyčkov Psalter // Slovo. Zagreb, 1976. № 25/26. С. 255—262.

¹⁵ Срезневский И. И. Известие о древнем каноне в честь св. Вячеслава Чешского. С. 38—62.

на ноябрь, входящая в тот же комплект Новгородских Служебных Миней, дает основания для предположений о ее глаголических истоках.

Графико-орфографических примет глаголического протографа в тексте Ноябрьск. Миней 1097 г. всего три: 1) четыре случая употребления глаголической графемы **Δ(ъ)** в значении [ja], причем только в заголовках стихир, которые обычно в наименьшей степени подвергаются исправлению: **сѣхѡжннΔ** (Л. 109 об.), **бжннΔ** (Л. 117 об.), **хѡжннΔ** (Л. 117 об.), **тѣΔ** (Л. 121). 2) Употребление графемы **▲** в значении [*jɛ] на компактном пространстве текста — (Л. 108–174). Из 476 подобных случаев, встретившихся в рукописи, 422 приходится на эти листы. 3) На наш взгляд, глаголический протограф отражают ошибочные написания **ѡ** в значении **ъ**, возможные лишь в результате неправильной транслитерации буквы **Ѣ(ъ)**, которая в графике угловатой глаголицы сходна с буквой **Ѣ(ѡ)**. В Ноябрьской Минее всего 7 ошибочных написаний **ѡ** вместо **ъ**: **биплѣтънннн** (Л. 14), **болѣзннннхъ** (Л. 9), **дхѣбноннхъ** (Л. 168), **врѣдннннн** (Л. 26), кроме того в рукописи имеют место 20 исправлений таких написаний **бслнбѡи - бслнбъи** (Л. 67 об.), **тъмѡи - тѣмъи** (Л. 4 об.), **нѣуѣстнбѡнхъ - нѣуѣстнбънхъ** (Л. 4 об.). Здесь же встречаются и ошибочные написания обратного вида: написания **ъ** на месте **ѡ**, также являющиеся результатом ошибки при прямой транслитерации с глаголицы в кириллицу: **грѣхѣбнннн** (Л. 50), **глѣбнннъу** (Л. 88), **блѣтъль** (Л. 85 об.). Итак, мы полагаем, есть основания считать, что Ноябрьская Миней 1097 г., написанная несколькими писцами, представляет собой транслитерированную копию глаголического оригинала.

Лишь один из перечисленных признаков — спорадические «мены» букв **ъ** и **ѡ**, **ь** и **ѣ** с одновременным исправлением этих ошибочных написаний — представлен в Сент. Минее 1095 г.: **нзболннн - нзболннъ** (Л. 25), **накобо - наковъ** (Л. 28), **разѡумѡ - разѡумъ** (Л. 93 об.), **моуко - моукъ** (Л. 114 об.), **нѣтъльнннн - нѣтъльнннъ** (Л. 162 об.). Мена графем **ъ - ѡ** и последующее их исправление осуществляется также в случаях, когда эти графемы входят в состав буквы **ы**: **моукои - моукы** (род. ед.) (Л. 11), **нѣмъслънои - нѣмъслъны** (вин. мн.) (Л. 14 об.), **блѣжнѡи - блѣжны** (зв. ед.) (Л. 24), **бабулои - бабулы** (род. ед.) (Л. 26 об.). В этом же тексте отмечены мена **ь - ѣ** с последующим исправлением ошибки: **законъпрѣстоупнннн - законъпрѣстоупннънннн** (Л. 19), **пауѣнѣстѣбнннннннъ - пауѣнѣстѣбннннннъ** (Л. 45 об.), или вовсе неисправленные: **кобѣуѣгъ (=ковѣуѣгъ)** (Л. 84).

Эти написания уже получили лингвистическое объяснение. Б. А. Успенский полагает, что они являются отражением на письме «книжного произношения еров как [o] и [e]»²¹. Данные факты известны лишь в нескольких рукописях конца XI — нач. XII в. (Служебные Миней 1095–97 г., Стихирари XII в. РГАДА. Ф. 381. № 152, ГИМ. Син. 279, ГИМ. Син. 589, Служебные Миней XII в. ГИМ, Син. 160, 161, 162. Мы добавим в этот список Синайско-Бычковскую Псалтирь.), легли в основание мнения Б. А. Успенского о том, что «различение букв **ъ - ѡ**, **ь - ѣ** на письме имело чисто орфографическую значимость», что «книжное произношение **ъ** как [o], **ь** как [e] было противопоставлено живому разговорному произношению, где различались рефлексы *ъ и *o, *ь и *e, а отражение книжного произношения на письме противоречило орфографической норме»²². Такое представление о совпадении церковнославянской орфографии с живым древнерусским произношением и их обоюдное противопоставление книжному произношению, на наш взгляд, противоречит даже здравому смыслу. Согласно этой теории, книжник писал текст рукописи так, как произносил его по-древнерусски, а читал этот текст совершенно особым образом, не так как писал или проговаривал про себя в процессе письма. К тому же не ясно, как эта теория объясняет факты ошибочных написаний **ѡи** вместо **ъи**, здесь ссылка на книжное произношение

²¹ Успенский Б. А. Русское книжное произношение XI–XII в. и его связь с южнославянской традицией (чтение еров) // Актуальные проблемы славянского языкознания. М., 1988. С. 109.

²² Там же. С. 102.

была бы и вовсе не уместна. К тому же при повсеместном распространении на Руси «книжного произношения» такого рода явление мена Ъ — Ѡ, Ъ — Ѣ должно было быть частотно и отражено в подавляющем большинстве рукописных книг XI—XII в., в то время как оно имеет место только в некоторых памятниках, у которых выявлен или предполагается близко отстоящий от списка глаголический протограф.

Мы уже предлагали свою — графическую интерпретацию данного явления. Эта интерпретация основана на том, что в графике угловатой глаголицы графемы ѡ и Ѡ (зачастую в лигатурном изображении, когда коромысло буквы Ѡ вписано в предшествующую букву) не всегда четко различались в строке и при списывании текста или его прочтении возникали ошибки, чаще всего исправляемые писцом, вникавшим в смысл текста. Комплекс неисправленных и исправленных ошибок такого рода наряду с другими графико-орфографическими и палеографическими признаками реликтов глаголицы позволил нам с уверенностью высказать мысль о восхождении к глаголическим протографам целой группы древнерусских памятников²³. Но в рассматриваемых здесь рукописях — Новгородских Служебных Минеях реликтов глаголицы практически нет, и мена Ъ — Ѡ, Ъ — Ѣ, например, в Сентябрьской Минее 1095 г. чуть не единственный орфографический показатель ее глаголического протографа. Удовлетворительное объяснение данному факту можно предложить, если допустить, что глаголический оригинал текста Миней находился не перед глазами писца, а диктовался ему книжником, умевшим читать глаголицу, что, как нам представляется, являлось редким умением в конце XI в.

Диктовка, а не списывание глаголического текста была удобна сразу по нескольким причинам. Книжник-чтец «озвучивал» написанное глаголицей, и потому из процесса создания памятника был исключен этап сложной побуквенной транслитерации текста на кириллицу, что значительно ускоряло работу книжника-писца. Чтение глаголического текста вслух позволяло также записывать его одновременно нескольким писцам, и это многократно увеличивало книжную продукцию скриптория. Естественно при этом, что все возможные графико-орфографические особенности глаголического оригинала: три буквы носовых гласных, мена букв редуцированных, употребление Ѡ в функции [ja], отсутствие йотированных букв гласных, не находили отражения в записываемом под диктовку древнерусском тексте. Но книжник-чтец при диктовке мог допускать неверные чтения, смешивая буквы ѡ и Ѡ, особенно в лигатурах, которые сам тут же и исправлял, вникая в смысл текста, такие ошибки и их моментальное исправление при диктовке повторяли и писцы.

Гипотеза о надиктовывании глаголического текста книжником-чтецом для целой артели книжников-писцов объясняет не только появление этих загадочных ошибок, не только причины отсутствия всяких иных следов глаголицы в памятниках чешского происхождения, попавших на Русь в последней четверти XI в. **Принцип диктовки в работе писцов объясняет существование индивидуальных особенностей графико-орфографических систем у писцов одной и той же рукописи** (как в Архангельском Евангелии и Синайско-Бычковской Псалтири), у мастеров одной и той же артели (как в Служебных Минеях 1095—97 г.): каждый из переписчиков книг записывал текст под диктовку сообразно с теми представлениями о правописании, которые были у него на этот период времени. Эти представления могли меняться, тогда графика и орфография писца претерпевала изменения (как в случае с рукописями Сент. и Окт. Миней 1095—1096 г.), которые писец Домка написал по-разному в течение двух лет. Мы предполагаем, что **принцип диктовки был распространен в скрипториях обиходного книгописания не только для глаголических оригиналов богослужебных книг, но и для кириллических книг богослужебного обихода, поскольку артельный метод в условиях диктовки ускорял книгопроизводство.**

²³ Миронова Т. А. Хронология старославянских и древнерусских рукописных книг X—XI в.

В Архангельском Евангелии находим тому множество доказательных фактов. Текст Архангельского Евангелия (1-го и 2-го писцов) изобилует ошибками, которые можно мотивировать только неправильным восприятием текста писцом на слух. Ошибки слуха классифицируются обычно в несколько типов: это пропуски слогов (обычно заударных), которые по контрасту с ударными слогами могут ускользнуть от внимания писца, записывающего текст под диктовку: ПОСЛОУЮТЬ (Л. 53) вместо ПОСЛОУШАЮТЬ, НАСТАБЬУІ (Л. 54) вместо НАСТАБЬННУІ, ПОУСТИ (Л. 105) вместо ПОУСТИГИ, ОУТАЛЪ (Л. 134) вместо ОУТАНАЛЪ, ДІТЕІ (Л. 137) вместо ДІСАТЕІ, БРА ТВОИГО (Л. 172) вместо БРАТА ТВОИГО. Диктовкой обусловлены и своего рода «недослышки» писцов, пропускающих согласные в приставках и суффиксах: БЪХОТЪ (Л. 77 об.) вместо БЪСХОТЪ, БЪГЛАСИ (Л. 78) вместо БЪЗГЛАСИ, ОБРЪТОТА (Л. 90) вместо ОБРЪТОСТА, ОХОЖАШЕ (Л. 157) вместо ОТЪХОЖАШЕ, БЪДБИГНОУТИ (Л. 149) вместо БЪЗДБИГНОУТИ. Благодаря диктовке рукопись Архангельского Евангелия содержит много повторно написанных слов: ЛЪЖА (Л. 93), БЪЗЪШИ (Л. 105 об.), ИГО (Л. 101 об.), ЖЕ (Л. 109) и др., потому что повторение слов чтецом при надиктовывании неизбежно, и ослабивший внимание писец мог следовать за чтецом и в повторах. Восприятием текста на слух объясняются многочисленные случаи неправильного понимания слов, услышанных писцом: ТАКО ДЪНТЬ (Л. 29) вместо ТАКО ОДЪНТЬ, ДОНДЕ ЖЕ (Л. 14 об.) вместо ДОНДЕЖЕ, УЮЩЕШЪ ИЗБАВЛНИИ (Л. 157) вместо УАЮЩЕШЪ, ПОМАХУУ (Л. 167) вместо ПОМАБАХУУ, ИНО СТРОИНИА (Л. 73 об.) вместо И НЕСТРОИНИА, СЪКОНЬУАТИ СА (Л. 92) вместо СЪКОНЬУАТИ СА, ЦЕЛОБАНИА НА ТЪРЖИЩИ НХЪ (Л. 70) вместо НА ТЪРЖИЩИХЪ, САМОИ ИДОУЩЮ ПРОІДЕТЬ (Л. 157) вместо САМОИ ДОУЩЮ ПРОІДЕТЬ.

Ошибки подобного рода, связанные с неправильным членением фраз, с подменой одного слова другим, отчасти сходным в звучании, могли быть обусловлены только восприятием текста на слух. Ряд искаженных чтений в Архангельском исправлен, смысл их восстановлен. К примеру, слово ИСТИНЬНЪИИ исправлено на ИСТИНЬНЪИ (Л. 129 об.), это очевидное исправление слуховой ошибки, слово ИРІШИИ выскоблено и вслед записано ИРІШНИИ (Л. 109). В качестве слуховых ошибок отметим также неправильное восприятие и запись иноязычных слов: ТИЛО (Л. 129) вместо ТИТЛОУ, КОСТОДИИЮ (Л. 121) вместо КОУСТОДИИЮ, ПРЕТРОРЪ (Л. 101 об.) вместо ПРЕТОРЪ. Мы намеренно выписали большое количество примеров ошибок, которые, с нашей точки зрения, убеждают в том, что писцы Архангельского Евангелия создавали свои тексты под диктовку, чем обусловлены не только массовые и типичные ошибки слуха, но и отсутствие в тексте Евангелия реликтов старославянских графико-орфографических систем. В то же время графико-орфографические системы, которые реализованы в обеих частях Архангельского, в значительной степени индивидуальны, т.е. в них воплощены самостоятельные представления писцов о современном им книжном правописании.

Перечисленные выше факты свидетельствуют о том, что в конце XI в. в скрипториях массового производства книг Древней Руси сформировалась установка на критическое отношение к графико-орфографическим системам старославянских оригиналов (почему и стала возможной диктовка текстов, а не списывание их), именно тогда обозначилась тенденция преобразования графико-орфографических систем старославянского юсового письма в древнерусские одноюсовые графико-орфографические системы.

Для преобразованной графико-орфографической системы такого типа характерны следующие признаки: 1) двуеровое письмо с полным отсутствием старославянской «мены еров», пропуском букв слабых редуцированных в корневых морфемах, с древнерусским написанием сочетаний редуцированного с плавным типа *ьрт*; 2) одноюсовое письмо с дистрибутивным употреблением букв А и Я; 3) исправление всех реликтовых написаний с ъ в значении [ja]; 4) употребление Н, І

по орфографическому правилу: **И** — в начале слова, после гласных; **ѣ** — после согласных. При этом 2-й и 4-й признаки имели у писцов индивидуальные особенности.

О том, что и Синайско-Бычковская Псалтирь записывалась писцами под диктовку, свидетельствуют многочисленные «ошибки слуха» в этой рукописи как у 1-го, так и у 2-го писцов²⁴. Среди этих ошибок есть случаи неправильного членения или восприятия текста: **МѢСТО БЪ(СЛЕНЪ)А** (Л. 1 (БПс)) вместо **МѢСТО БЪ(СЛЕНЪ)ННН**, **РАЖДЕННН** (Л. 6 (БПс)) вместо **ГАЖДЕННН**, **ОТЪ БЪ** (Л. 42) вместо **МОЛНТБА БЪ**, **ОБЛНЩАША** (Л. 9 об.) вместо **ОБННЩАША**, **ПРНПАДЪ ННМОУ** (Л. 84 об.) вместо **ПРНПАДЕНЪ ННМОУ**, **БЪ ЛОВНТВЪЖ ЗОУБЪ МОНХЪ** (Л. 119) вместо **БЪ ЛОВНТВЪЖ ЗОУБОМЪ НХЪ**, **БЪ ТРОБАХЪ** (Л. 87 об.) вместо **БЪ ТРОУБАХЪ**. Есть в этом памятнике и простые «ослышки»: **ОБРАДАТЬ** (Л. 31) вместо **ОБРАТАТЬ**. Часто ошибки слуха затем исправлены самим писцом, **ѣ** правится в **ѣ**: **БОСТАНѢТЬ** (Л. 84), **БО СРДЦН** (Л. 84), **ѣ** появляется на месте неправильно записанной **ѣ**: **ЗЪЛО** изменяется в **ЗЪЛО** (Л. 83), **ПРНБЪЖНЩН** исправляется на **ПРНБЪЖНЩН** (Л. 94). О восприятии текста Псалтири «на слух» говорит и вариантное написание на одном и том же листе слова, неизвестного писцу: **ОЛКАВТОМАТЪ** и **ОЛКАВЪТОМАТЪ** («всесожжения») (Л. 31 об.).

Итак, на вопрос о том, как формировалась древнерусская система одноюсовой графики и орфографии, мы можем дать ответ на основании сопоставления текстов с такими системами, восходящими как к чешским глаголическим оригиналам (в случае Служ. Миней и Архангельского Евангелия 2-го почерка), так и к текстам кирилловским (в случае Архангельского Евангелия 1-го писца). Писцы этих книг переписывали текст, не имея оригинала перед глазами, в книгописных мастерских по созданию обиходных богослужебных книг писцы работали артельно под диктовку чтеца. В случае, если текст оригинала являлся глаголическим, его надиктовывание было необходимостью, потому что, во-первых, это значительно ускоряло работу мастеров, во-вторых, владение глаголицей в последней четверти XI в. было на Руси довольно редким умением. Но если к диктовке вновь появлявшихся на Руси глаголических текстов вынуждала «технологическая» необходимость, то массовое воспроизведение уже бытовавших здесь кириллических богослужебных текстов под диктовку чтеца являлось, вероятно, удобным способом многократного ускорения процесса книгопроизводства, причем таким вот образом записывались только хорошо знакомые писцам тексты богослужебного обихода — Евангелие, Псалтирь, постоянно бывшие «на слуху» у переписчиков книг.

²⁴ Кривко Р. Н. Бычковско-Синайская Псалтирь как источник по истории русского языка. АКД. М., 1998. С. 13.

